

его идеологических позиций как представителя «подымающегося третьего сословия» и т. д. Программной четкости у него нет, политическое сознание его смутно. «Нет ничего приятнее в свете, как знатный господин, украшенный добродетелями, справедливостью и умом» — пишет он в 33 неделе своего журнала «И то и сьо». Сам Чулков всю жизнь старался выбраться из нужды и занять «положение в обществе»; он стремится к карьере, в 1789 г. получает дворянское звание, приобретает деревни и с удовольствием именуется «помещиком, надворным советником Мих. Дм. Чулковым» (Словарь учрежденных в России ярмарок, 1789 г.).

Все это никак, однако, не исключает наличия у Чулкова многочисленных элементов буржуазного мировоззрения. Не случайны заявления Чулкова: «Разум — богатство нашей жизни» (33 неделя); «я же голову имею собственную; следовательно и разум в ней не купленный» (1 неделя). Роль разума, необходимость рационалистического подхода к явлениям действительности Чулков подчеркивает и в рассказах о народных суевериях: «Впрочем, принимается оно (дурное обыкновение.—А. З.) неведением простого народа, из которых многие, не имея ни малейшего просвещения, держатся суеверия, не соглашаются верить истине» (8 неделя). Чулков охотно описывает народные верования и обычаи, с ними связанные, но совсем не затрагивает религии. У него нет сатиры на духовенство, обличений монашества, подобных тем, которые встречаются у Эмина. Но он, рассказывая о смерти старика (5 неделя), прибавляет: «Куда девалась его душа, о том ни плачущая его жена, ни я, оба не знаем».

В предисловии к «Пересмешнику» (1766 г.) Чулков называет себя «мелкотравчатым сочинителем». Начиная издавать журнал «И то и сьо», он предупреждает читателя:

«Впрочем, господин читатель, не ожидай от меня высоких и видных замыслов: ибо я и сам человек неважный и когда правду тебе сказать, не утруждая совести, то состоянием моим похож на самое сокращенное животное» (1 неделя).

«Дома я не имею, хозяином не слывал от рождения и может быть до самой смерти не буду иметь сего названия», с горечью пишет он в 5 неделе «И то и сьо», добавляя, что обитает в таком тесном покое, что ему некуда даже руки протянуть. «По рождении моем написал я больше, нежели степная Татарская Архива: но за все сие получили не больше, как на одну только провизию для утоления моего алча, следовательно не имею теперь ни одной копейки».

Он завидует богатому вору, плуту секретарю:

«Вот судьба сколько справедлива, он больше меня порочен, но богат, он глупее меня, но спокойней; он презренье достоин, но чрезвычайно счастлив».

Откупщик, судья, танцмейстер, — все богатее, «а ты! который препровождаешь день и ночь за книгою. . . платье носишь коноплянного цвета, но и то от четырехлетнего употребления поистаска-